

О путешествіи на Сахалинъ и въ Японію Ивана Ивановича Федорова

Сія книга написана рукою маіора Ивана Ивановича Федорова о его пребываніи въ Петропавловской крѣпости, путешествіи въ Японію и жительствѣ съ полкомъ въ Камчаткѣ.

Камчатка, 28-го Сентября 1805 года.

Милостивый Государь!

Извините мнѣ смѣлость, которую беру, написавъ Вамъ вкратцѣ нашъ походъ въ Сахалинъ. Вамъ извѣстно, что мы снялись ночью послѣ вечеринки. Мы видѣли два дня еще позже того входъ Петропавловской гавани, и позже онъ уже скрылся. Потомъ шли по большой благополучнымъ вѣтромъ; но имѣли жестокіе туманы, пока прошли между 11 и 12 Курильскимъ островомъ, гдѣ уже стало чище, и всѣ были обрадованы, увидѣвъ нѣсколько дней спустя мысъ Раелжи; но скоро сія радость прекратилась и нашелъ уже густой туманъ съ крѣпкимъ вѣтромъ, который насъ заставилъ удалиться отъ берега. Съ этихъ поръ иногда мы только могли подходить къ берегу, ибо прояснившееся небо сейчасъ опять скрывалось. И такъ мы, можно сказать, бродили около восточной части Сахалина, пока 27 Іюля увидѣли сѣверный мысъ его, и на другой день губу, со многими домами; капитанъ не хотѣлъ терять времени, и послалъ только яликъ съ лейтенантомъ Левеширномъ, чтобъ узнать такой народъ и объ имени острова и губы. Мы были такъ близко, что могли видѣть съ корабля множество сидящихъ жителей, и передъ ними трое въ шелковомъ платьѣ, которые безпрестанно махали мѣхами; лишь только нашъ яликъ присталъ, то одинъ изъ нихъ началъ и показывали они охоту промѣнять намъ свои мѣха, но такъ какъ ихъ было слишкомъ 40 человекъ, и всякій съ большимъ ножомъ, то для всякій предосторожности нашъ яликъ возвратился, и мы въ то же время снялись съ

дрейфу и ушли. Долго мы опять ходили вдоль берега и 1-го Августа находились уже, какъ думалъ капитанъ, у Амура, по крайней мѣрѣ, стало мелко и вода была прѣсна, да ужъ видѣнь былъ татарскій берегъ, хотѣли испытаніе предоставить для другого дня, но теченіе насъ ночью отнесло на 20 миль слишкомъ, и мы находились близь губы, въ которой бросили якорь. Съ людьми на берегъ (сойда), мы увидѣли деревню, и не болѣе 10 человекъ насъ встрѣчающихъ; всякій былъ въ собачьей, кромѣ одного, который имѣлъ на себѣ шелковый кафтанъ. Послѣ они намъ показывали много хорошихъ ножей, такъ и стрѣлъ, что все доказывало ихъ торгъ съ китайцами. Въ дома не хотѣли совсѣмъ пускаться, и всѣ двери были заклепаны. Мы видѣли нарты, что доказывало, что они ѣздятъ на собакахъ, также было видно много копченой юкулы. Нашимъ неведомъ мы наловили столько рыбы, что большую часть посолили, а свѣжаго всему кораблю было на четыре дня.

Запасшись тоже тѣми, которыхъ у насъ не было, мы снялись съ якоря, не пошли у сихъ глупыхъ жителей узнать объ имени сего острова. Вѣтеръ былъ благополученъ, но вдругъ въ одно утро матросы на бакѣ закричали: „берегъ!“ вахтенный лейтенантъ сейчасъ разсмотрѣлъ, и какъ стало разсвѣтать, то мы находились въ одной милѣ отъ высокаго каменнаго пика, въ полдень узнали, что это былъ Іонъ.

Послѣ сего скоро мы отъ него удалились и 14 Августа прошли во второмъ Курильскомъ проливѣ; а послѣ сего по причинѣ противныхъ вѣтровъ, бросили 17 Августа въ третій разъ въ Петропавловской гавани якорь.

Извините меня, Иванъ Ивановичъ, ежели что въ разсужденіи всѣхъ правилъ писанія пропущено.

Всѣмъ было прискорбно, что вы остались въ Нижнемъ, и поздравляю васъ съ комѣданствомъ въ Гежигѣ. Никто не вѣдалъ, что я къ вамъ пишу кромѣ брата, доктора и Гарнера, которые меня просили вамъ кланяться.

Записки путешествія моего изъ Нижне-Камчатки до Гежигинской крѣпости; юговосточнымъ берегомъ Сѣвернаго океана, или по Камчатски именуемомъ Укинскимъ трактомъ.

Ноября 28 ч.—Отправясь изъ Нижне-Камчатска въ первомъ часу пополудни прибыли въ первой Камчатскій острогъ, называемый Камаки, въ 8-мь часовъ,—сорокъ четыре версты разстоянія проѣхали-бъ гораздо скорѣе; если бъ не были причиной выступившая сверхъ

льда вода и замерзшая очень гладко наледь, по скользкости которой собаки бѣжали съ великимъ трудомъ.—Острожекъ Камаки лежитъ на берегу рѣки Камчатки, продовольствуетъ себя рыбой, а въ лѣтнее время промысляетъ въ великомъ множествѣ въ близлежащихъ озерахъ дикихъ гусей и утокъ. Впрочемъ—зима доставляетъ имъ обыкновенный звѣриный промыселъ соболей и лисицъ; жителей во всемъ острожкѣ 16 человѣкъ; которые въ образѣ жизни болѣе слѣдуютъ русскимъ нежели камчадаламъ.—Во многіе прежніе мои проѣзды до сего острожка въ зимнее время всегда терпѣлъ сильную пургу на половинѣ дороги (въ щеляхъ, по здѣшнему называемыхъ). Это есть по обоимъ берегамъ рѣки Камчатки утесистыя горы, изъ ущелинъ коихъ при маломъ вѣтрѣ всегда дѣлается довольно крѣпкая пурга, то есть по русски вьюга или ураганъ. Всего мѣста верстъ на десять—но нерѣдко принуждаетъ проѣзжихъ ночевать на срединѣ щелей въ прежде бывшемъ Щеповскомъ острожкѣ, жители коего въ послѣднее повѣтріе все померли, и нынѣ только видны одни признаки.—При выѣздѣ изъ щелей чистый горизонтъ въ предестномъ видѣ представилъ взору моему величественность огнедышащей Ключевской Сопки, которая съ полгода времени перестала горѣть пламенно; а только временемъ бываетъ изверженіе;—дышитъ же довольно часто.

29 ч.—Въ 8-мь часовъ утра отправились изъ Камаковъ, позавтракавши изрядной дичиной; прибыли въ каменной острогъ въ 11-ть часовъ, 22 версты по хорошей дорогѣ, добрые кони Камчатки перевезли въ три часа.—Острожекъ Каменный лежитъ на берегу рѣки Камчатки, жителей въ немъ 12 человѣкъ; промыселъ имѣютъ таковой же, какъ и въ Камакѣ, пообѣдавши въ семь острожкѣ и распростившись, съ провожавшимъ меня любезнымъ другомъ Дмитріемъ Ивановичемъ Кошелевымъ, отбыли въ 11-ть часовъ въ Харчинъ, куда доѣхали въ половинѣ четвертаго часа пополудни;—33 версты, большею частію по озерамъ, не заняли много времени въ дорогѣ.—Харчинскій острожекъ лежитъ на берегу рѣки Егловки и преимуществуетъ лучшими гольцами по всей Камчаткѣ; впрочемъ, 8-мь человѣкъ камчадаловъ содержатъ себя обыкновеннымъ ихъ промысломъ. Напившись чаю и перемѣнивъ своихъ собакъ, пустились въ 6-ть часовъ въ Еловскій острожекъ, куда прибыли, проѣхавъ 57-мь верстъ въ самую полночь—Еловской острожекъ лежитъ при рѣкѣ Еловки, жителей имѣетъ 16-ть душъ, содержитъ себя обыкновеннымъ промысломъ.—Переночевавъ, утромъ нашелъ прибывшаго сюда слѣдующаго къ батальону изъ Тигильской крѣпости подпоручика Пазухина съ женою.—Утромъ въ 7-мь часовъ отправился въ свой путь.

30 ч.—Проѣзжая тундренныя мѣста, на половинѣ дороги застала насъ изрядная пурга отчего были въ пути 12-ть часовъ; на 73-верстномъ разстояніи; и прибыли въ Озерный острожекъ. Сей лежитъ при рѣкѣ Озерной; жителей въ немъ 4-е человѣка,—и живутъ не въ избахъ, а въ юртахъ (родъ землянокъ).

Новый ночлеги показались для насъ, по претерпѣннй крѣпкой пурги, изряднымъ. Но въ самомъ дѣлѣ онъ того не заслуживаетъ.—Здѣсь мы ѣли дикую оленину.

Декабрь 1-е ч. Переночевавъ, пустились въ Укинской острожекъ куда прибыли въ 3-и часа пополудни; и по случаю разгона собакъ остановились ночевать.—Острогъ Укинской лежитъ на берегу рѣки Уки, имѣетъ въ себя жителей всѣхъ три человѣка, которые могутъ нести всѣ тягости ихъ обременяющіе;—считается до сего острожка отъ Озернаго 33 версты; но по часамъ я замѣтилъ, что должно быть около 50-и верстъ.

Декабрь 2-го ч.—Утромъ отправились въ Халюли, и, проѣхавъ 57-мь верстъ достигли Острожка, который лежитъ въ двухъ верстахъ отъ моря, при рѣкѣ Халюли; имѣетъ въ себѣ жителей 13-ь душъ: а строенія двѣ юрты. Здѣсь я нашелъ человѣка моего, отправленнаго изъ Нижне-камчатска съ 22-го Ноября съ моимъ экипажемъ на собственныхъ собакахъ; здѣсь мы дневали.—Халюлинской таюнъ, принялъ меня весьма вѣжливо и напоследокъ его семьи женщины, тотъ часъ по пріѣздѣ моемъ одѣлись въ лучшее свое платье, и старались по ихъ обыкновенію угощать всѣмъ изящнымъ, то есть морожеными ягодами, голубицей, брусникой и морошкой.

3 ч. Утромъ отправились къ Ивашинскому острожку, куда и прибыли, проѣхавъ 59-ть верстъ, въ часъ пополудни;—Ивашинской острожекъ лежитъ при рѣкѣ Ивашкѣ, разстояніемъ отъ моря въ 10-и верстахъ:—жителей въ немъ 6-ть человѣкъ, каюрныхъ (то есть, которые могутъ ѣздить подводчиками).

Ивашкинской таюнъ казался мнѣ по своему смѣшному разговору пьянымъ; а на повѣрку вышло, что онъ предъ нашимъ прибытіемъ наѣлся мухоморовъ, которые на нихъ сильнѣе водки дѣйствуютъ. Ввечеру представилъ намъ двухъ своихъ дочерей и одного сына, одѣтыхъ въ самое лучшее платье и нѣсколькихъ пѣвицъ, которыя начали пѣть національную ихъ пѣсню, „бахае, бахи“, а двѣ дочери и

сынъ пустились плясать и такъ долго коверкались, что вышли изъ памяти, что доказательно тѣмъ, что, когда пѣвицы кончили свою пѣсню: плясуны все продолжали съ прикрикомъ странное свое коверганье. Напоследокъ, выбившись изъ силъ, лежа на боку, упали то жъ.—Я сжалившись надъ бѣдными сказалъ ужъ таюну, чтобъ онъ приказалъ ихъ успокоить!

4-го ч. Утромъ отправились въ свой путь и, проѣхавъ 29-ть верстъ, прибыли въ острожекъ Дранкинскій, который лежитъ при рѣкѣ Юмгинской, разстояніемъ отъ моря въ десяти верстахъ, жителей имѣеть 11 человекъ, живутъ все въ 3-хъ юртахъ, и говорятъ языкомъ, смѣшаннымъ съ каремскимъ, а не природнымъ своимъ;—здѣсь въ первый разъ я увидѣлъ кочующихъ межъ Ивашкой и Дранки каремъ. По пріѣздѣ моемъ они немедленно прибыли въ Дранку на оленяхъ, запряженныхъ по два въ санку; ѣзда на нихъ гораздо поспѣшнѣе собачьей—только чаще должно останавливаться для кормовъ.

5-е ч. Въ 9-ь часовъ пополудни отбыли изъ Дранки и, перѣхавъ 57-ь верстъ подлѣ самаго моря, прибыли въ три часа пополудни въ Карагизскій острогъ; который лежитъ при рѣкѣ Карая, разстояніемъ отъ моря въ 5-ти верстахъ; жителей въ немъ 17 камчадалъ, которые больше похожи образомъ жизни на каремъ. Мужчины и женщины мало носятъ рубахъ,—а по большей части имѣютъ одежду, сдѣланную изъ оленьихъ кожъ.

6-го и 7-го. Жестокая пурга принудила насъ здѣсь прожить два дня; и какъ я зналъ, что болѣе не будетъ намъ частыхъ селеній; потому и старался запастись здѣсь на недѣлю какъ для людей пищей, равно и собакъ кормомъ; одинъ камчадалъ доставилъ мнѣ оленя, за коего заплатилъ ему фунтъ табаку, и онъ чрезвычайно тѣмъ былъ доволенъ.

8-го ч. По прекращеніи пурги отправились въ дорогу, и проѣхавъ 40 верстъ, остановились ночевать въ пустой юртѣ, гдѣ прежде былъ Тамлатинскій острогъ; одинъ житель сего строенія предъ нашимъ прибытіемъ перебрался жилищемъ на зимовье, лежавшее гораздо далѣе отъ моря.—Проѣздъ нашъ изъ Кареги былъ весьма труденъ, по причинѣ глубокаго брода. Почти всю дорогу каюрщики наши шли пѣшіе на лапкахъ, кои здѣсь употребляются вмѣсто лыжъ, и близъ самой Тамлатинской юрты очень долго спускали съ прекрутой горы; камчадалы, выпрягнувъ нашихъ собакъ, принуждены были спускать сани на своихъ плечахъ.

9-е ч.—Здѣсь снова застигла насъ жестокая пурга и принудила жить въ пустой юртѣ, гдѣ, обогрѣваясь, принуждены были воду для пищи и питья таять изъ снѣга; по причинѣ той, что въ рѣкѣ Татлатѣ она въ пищу не годилась. Ибо по близости моря она мало разнствовала отъ морской.

10-е ч. По прекращеніи пурги съ половины дня пустились въ дорогу и, такъ какъ мы ужъ заготовленнаго для собакъ корму издержали немалую часть, то и не надѣялись съ онымъ доѣхать въ Пусторѣцкѣ, то есть настоящій нашъ трактъ; а рѣшились ѣхать Укинскимъ берегомъ чрезъ Сидялихъ, Карякъ, называемомъ Ветвейскимъ трактомъ. Хотя сія дорога и считается гораздо далѣе Пусторѣцкаго тракта, но она надежнѣе Кармалки и безопаснѣе отъ пурги.

Проѣхавши, примѣрно, верстѣ 30-ть, мы ночевали въ пустомъ мѣстѣ, гдѣ едва могли выискать дровъ для приготовленія себѣ пищи.

11-го ч. Утромъ очень рано оставили неприятный ночлегъ.— Ѣхавши цѣлый день и половину ночи самыми чистыми мѣстами, безъ малѣйшихъ слѣдовъ дороги, едва не растеряли своихъ товарищей; наконецъ достигли Илпилскаго острога. Слѣдующій со мной въ Гежигинскую роту поручикъ Фалтинъ, отставши отъ насъ въ семь пути, едва на другой день отыскалъ послѣдній сей камчадалскій острогъ; темная ночь и самыя чистыя мѣста, признаюсь, наводили на меня немалое сомнѣніе!

12-го ч. Собравши здѣсь свой обозъ, остались ночевать въ ежегодной—и предымной юртѣ.

13-го ч. Теперь отправляемся мы къ новымъ знакомымъ въ первый острогъ Сидялихъ и называемой Колягинскѣ. Онъ лежитъ надъ самымъ моремъ, состоитъ изъ двухъ юртъ, имѣетъ въ себѣ жителей 5-ь человекъ; они мало имѣютъ собакъ, а употребляютъ вмѣсто нихъ оленей, которыхъ имѣютъ немалое число; юрты ихъ построены такимъ образомъ, что ходятъ въ оныя не дверьми, а съ самой середины верха въ отверстіе, очень похожее на корабельный люкъ, который у нихъ служитъ днемъ и за окно, и для выхожденія дыма отвѣчаютъ за трубу. А спускаютъ ее въ него по лѣстницѣ, вырубленной изъ одного дерева.—Въ юртѣ огонь кладется на полъ къ одной стѣнѣ, у которой сбоку сдѣлана отдушина, для пронесенія дыма въ сказанную трубу, но при всемъ юрта всегда бываетъ полна дыму, нечистоты и неопрятности которые, мнѣ кажется,

здѣсь имѣютъ главное пепелище; женщины имѣютъ одежду тамъ, какъ и мужчины; всѣ вообще въ куклянкахъ, только послѣдніе носятъ на головахъ платки.

14 ч. Здѣсь пурга принудила насъ остаться. Вотъ случай несчастія нашихъ собакъ. —

Прежестокая пурга не позволила караульнымъ быть при нашемъ экипажѣ. А потому и собаки привязаны были близъ юртъ безъ присмотра. — Только страшный оныхъ вой въ самую полночь меня разбудилъ; я тотчасъ выслалъ человѣка своего узнать о причинѣ, и что же онъ нашель? — Кучу волковъ, которые атаковали нашихъ рысаковъ; къ несчастію двѣ моихъ и нѣсколько капорныхъ (то есть, подводныхъ), были жертовой добычи хищниковъ.

15 ч. Прожили за пургой.

16 ч. По претерпѣннн Карсуксихъ, пустились въ дорогу и прибыли въ острожекъ Метаемонемъ; онъ лежитъ при рѣкѣ Выкненской, состоитъ изъ двухъ юртъ, жителей въ немъ четыре человѣка.

17-е ч. Отсюда отправились въ острожекъ Тиличинскъ, который лежитъ при рѣкѣ Тилигинѣ, не въ дальнемъ разстояніи отъ моря. Живетъ въ немъ бей ясишныхъ тайонъ, или князекъ сего острожка Симеонъ Тагилиновъ, ѣхалъ съ нами вмѣстѣ изъ Ивашкинскаго острожка; ласковый его приѣмъ и лучшее угощеніе были намъ оказаны, онъ говорилъ немного по-русски и крещенъ; по приѣздѣ нашемъ къ острожку, таюнъ со своей женою встрѣтилъ насъ на дворѣ; и, когда я вошелъ въ юрту, то онъ представилъ мнѣ всю свою семью, которая по опрятности вродѣ Карянь, и едва ли не изъ первыхъ.

Здѣсь нашель я главнаго князька каменскаго острога Ахайма, онъ гостилъ у сихъ Карянь. Здѣсь видѣлъ я тѣхъ торговцевъ, которые въ прошломъ 803 году едва не зарѣзали К. и замѣтилъ въ нихъ великую буйность.

18-го ч. Теперь отправляемся къ послѣднему Острожку сидячихъ карянь, по берегу океана.

Острожекъ Ветвей лежитъ при хорошей рѣкѣ Ветвеѣ, жителей въ немъ 5 человѣкъ, до этого острожка провожалъ насъ со своей женою таюнъ Татлышовъ, здѣсь мы дневали.

19-е и 20-е ч. Поутру отправились въ Каменный острогъ, до коего князекъ Ахайма ѣхалъ съ нами вмѣстѣ. Онъ былъ со своими карянами въ проѣхавшихъ мной карецкихъ селеніяхъ, для гощенія, то есть мелочнаго межъ собой торга. Нынѣ мы оставили юго-восточной берегъ Сѣвернаго океана и поворотили къ сѣверо-западу.

21. Пенжинская губа. Теперь пустились въ чистый долъ, что у насъ называется, чистое поле: четыре дня провели въ самыхъ безлѣсныхъ и необитаемыхъ мѣстахъ. Жестокіе морозы и крѣпкій сиверь, не давали намъ и ночью покоя, хотя мы и разбивали свою палатку, но она мало защищала отъ холода; одна половина дороги была тундренными мѣстами, а вторая рѣками Ветвеею и Талопкой. Во всю дорогу любопытнаго ничего не случилось, кромѣ, что въ одну вашу остановку среди дня примѣтилъ я жертвоприношеніе карянь, изъ числа нашихъ каюрщиковъ. Одинъ карянь, отошедъ съ дороги не болѣе пятидесяти шаговъ, гдѣ находился утесистый камень, подлѣ коего оставилъ по многимъ поклонамъ одну свою стрѣлу, возвратился къ обозу, я на томъ мѣстѣ видѣлъ множество оленьихъ доскутьевъ и шерсти.

24-го ч. Поутру пріѣхали мы къ Острожку, отдѣленному отъ Каменнаго; онъ лежитъ на самомъ берегу губы Пенжинской, состоитъ изъ 12-и юртъ.—Мы тутъ завтракали очень вкусную, приготовленную карянами изъ оленьяго мяса съ дикимъ сухимъ лукомъ похлебку и жареную свѣжую рыбу вахню, которая видомъ очень похожа на налима, а вкусомъ нехороша; отправась отсель съ великимъ трудомъ, переѣхали четырехверстную ширину устья рѣки Пенжины, гдѣ прошло времени въ переѣздѣ слишкомъ 4 часа.—Она замерзаетъ такъ неровно, что льдины становятся стойкомъ вышиною сажени въ двѣ и болѣе, и всей сіе мѣсто издали показывается морскимъ волненіемъ. Мы, проѣзжая глубокими рытвинами, во многихъ мѣстахъ прорубали дорогу топорами. Въ 3-и часа пополудни прибыли въ острожекъ Каменный онъ лежитъ на прекрасномъ возвышенномъ мѣстѣ, подлѣ самаго моря.

Состоитъ изъ 25-ти юртъ, имѣетъ въ себѣ жителей болѣе ста человекъ.

25-го ч. Здѣсь мы дневали. Любезные друзья! вотъ гдѣ привелъ случай праздновать Р. Х. Исторія вамъ показываетъ характеръ и нравы дикихъ сихъ народовъ; вы теперь можете судить о моемъ положеніи и чувствованіяхъ. Въ половинѣ дня прибылъ сюда камчатскаго об-

ластного правленія засѣдатель Ламалинъ. Онъ уже цѣлый годъ ѣздитъ по округъ, для переписей радовъ карянь,—вообразите положеніе его и его людей!

26 ч. Отправились изъ Каменнаго до свѣта; прибыли ввечеру очень поздно въ острожекъ Мелянь. Онъ лежитъ на самой половинѣ дороги отъ Каменнаго до Паряня подлѣ самаго моря.

Состоитъ изъ 2-хъ юртъ и 5-и человѣкъ жителей.

27 ч. По худости собакъ ночевали въ дорогѣ на пустомъ мѣстѣ.

28 ч. Въ полдень прибыли въ послѣдній Каряцкій острогъ Парень; онъ лежитъ при рѣкѣ Пойтувьемъ, близъ моря. Состоитъ изъ 11-и юртъ, имѣетъ въ себѣ жителей 50 человѣкъ. Здѣсь мы ѣли свѣжихъ хабьюзокъ, переночевали и перемѣнили всѣхъ Каменскаго острожка каюрныхъ и собакъ.

29 ч. Поутру отправились. Я замѣтилъ сихъ послѣднихъ двухъ острожковъ карянь, гораздо грубѣйшими противъ прочихъ. Мы ночевали въ дорогѣ.

30 ч. По восходѣ солнца, я рѣшился оставить свой обозъ; и пустился на собственныхъ собакахъ, взявъ съ собой и одну казорную съ проводникомъ, нарту, (то есть, сани) въ надеждѣ той, чтобъ до вечера успѣть прибытіемъ въ крѣпость Гежигинскую; но встрѣтилось тому совсѣмъ противное: оставивши своего толмача Никифора Камчадала въ поренѣ, я положился на одного знающаго немного по-русски каряну; онъ насъ увѣрилъ, что мы ночевали на самой половинѣ дороги, въ томъ поренѣ. А вышло противное и мы, ѣхали цѣлый день и всю почти ночь, по многомъ безпокойствѣ. На разсвѣтѣ 31 числа достигъ крѣпости Гежигинской.— До десятаго числа декабря мѣсяца ожидалъ преемника должности, мнѣ ввѣренной, господина маіора Крупскаго, которой сего числа въ ночи прибылъ. Съ одиннадцатаго числа началась отъ меня сдача и продолжалась по его копотливости до 26 числа, который день по окончаніи всего и чинъ Высочайше пожалованный при отставкѣ моей былъ формально мнѣ объявленъ и приведенъ на оный къ присягѣ.

2 ч. Генваря 1806 года въ 11 ч. утра распростился съ краемъ здѣшнимъ. Не могу безъ особенныхъ сердечныхъ чувствованій описать

разлуку съ добрыми жителями крѣпости Гежигинской. Наканунѣ выѣзда моего, въ самый Новый годъ по окончаніи божественной литургіи всѣ вообще чиновники и граждане были у меня и по особенной ко мнѣ любви и привязанности, которую я имѣлъ счастье отъ нихъ заслужить, всякій изъявлялъ ко мнѣ благодарность и сожалѣніе о томъ, что они лишались во мнѣ своего друга, а не начальника; и притомъ каждый желалъ въ награду за сіе всякаго благополучія въ предпринимаемомъ мною трудномъ моемъ пути. Рота же, бывшая въ моей командѣ три года, собравшись вся, чрезъ фельдфебеля просила меня въ послѣдній разъ съ ними проститься; я, вышедъ изъ комнаты, нашелъ оную построенную во фронтъ и по приходѣ моемъ къ нимъ громкій голосъ благодарности всѣхъ вообще добродушныхъ служителей тронулъ до слезъ чувства мои—я тутъ видѣлъ много плачущихъ и говорящихъ— „намъ уже не нажить такого начальника-отца, какъ ваше высок.-бл. жили съ нами“. Я при сей умиленной сценѣ не могъ долго быть, взаимно поблагодарилъ за ихъ ко мнѣ усердіе и притомъ отдалъ фельдфебелю 25 р. денегъ съ тѣмъ, чтобъ онъ купилъ на оныя водки и тѣмъ бы прекратилъ у добрыхъ служилыхъ текуція изъ глазъ слезы; прочихъ командъ также служащіе приходили все ко мнѣ прощаться и получили отъ меня то же. Того жъ вечера я сдѣлалъ прощальную вечеринку; на которую всѣ здѣшнія почетныя дамы были мной приглашены и танцуя все общество, составляющее гражданъ здѣшнихъ, вечеръ до 12-ти часовъ провели довольно весело. При выѣздѣ жъ моемъ изъ крѣпости нашло множество народа обоого пола, и всякій при прощаніи моемъ изъявлялъ обо мнѣ сожалѣніе. Чиновники всѣ вообще и граждане отправились вмѣстѣ со мною, на своихъ собакахъ каждый, и провожали верстъ съ 15-ть отъ крѣпости, гдѣ распростившись обратились въ свои дома, а я также пустился въ свой путь.

3-го ч. Генваря достигъ до селенія Наяхины сидячихъ крещеныхъ карянь, гдѣ переночевавъ, въ 4 ч. до свѣту отправился въ дорогу, верстъ за 20 отъѣхавши отъ сказаннаго селенія, нашли на самомъ трактѣ оленьихъ карянь, кочующихъ въ одной юртѣ гдѣ знакомый мнѣ карянь Акувбя убилъ на дорогу жирнаго оленя, и я, напившись здѣсь чаю, подкрѣпилъ желудокъ свой изряднымъ завтракомъ, пустился въ путь, который до седьмого числа продолжали по необитаемымъ мѣстамъ изрядной дорогой. а съ седьмого числа до десятаго ѣхали преглубокимъ бродомъ не болѣе какъ по десяти верстъ въ сутки. Переѣхавши Вилигинскій гребень, съ десятаго числа сдѣлалась пристрашная и мокрая пурга, и мы принуждены были жить на одномъ и пустомъ мѣстѣ, отправивъ пѣшими на лыжахъ двухъ карянь капорныхъ до

селенія Туманы (до коего слѣдовало бѣ еще двое сутокъ быть въ дорогѣ), съ тѣмъ, чтобъ изъ онаго селенія послать какъ можно скорѣе къ намъ навстрѣчу нѣсколько легкихъ нартъ и собакамъ нашимъ корму, которые уже его нисколько не имѣли, а, однако жъ, я ожидалъ пятеро сутокъ и никого къ намъ послано не было. такъ что уже много терпящія животныя изнурялись голодомъ и начинали объѣдать перпищы ремни, которыми обыкновенно здѣсь увязываются нарты. 15-го ч. принужденъ былъ еще отправить одного капорнаго каряку въ сказанное селеніе на лыжахъ, который, отойдя отъ насъ верстъ десять, встрѣтилъ четырехъ человекъ, ѣдущихъ къ намъ на помощь изъ Туманы и притомъ съ хорошимъ запасомъ для собакъ корму, и къ счастью— посланной отъ меня каряка Егоръ въ превеликомъ бродѣ поймалъ на лыжахъ дикаго барана, которой послужилъ для всѣхъ изрядной пищей. Того жъ числа ввечеру я отправился до Туманскаго селенія и достигъ въ оное 17-го числа вечеромъ. Желалъ на другой день слѣдовать въ свой путь, но случившійся снѣгъ причинилъ препятствіе, а я уже пустился въ путь 19-го.—

21-го ч. Утромъ повстрѣчалась съ нами почта, слѣдующая изъ Россіи въ Камчатку, которая въ дорогѣ уже находилась изъ Охотска цѣлый мѣсяць.—Того же числа въ полдень я достигъ до селенія Татхьянръ, сидячихъ же карянь, и пробывши въ немъ до вечера, въ ночь пустился въ дорогу; 22-го ч. достигъ крѣпостцы Ямской, которая имѣетъ мѣстоположеніе весьма хорошее, выстроена надъ самой рѣкой Ямою, и древностію своею гораздо старѣе крѣпости Гежигинской, но нынѣ команды содержится въ оной 18 человекъ казаковъ, и командиръ въ ней назначается всегда охотскимъ начальствомъ; въ мой проѣздъ былъ сынъ боярскій, Григорій Александровичъ Говоровъ, и человекъ, кажется, изрядный. Также жительство имѣютъ въ сей крѣпостцѣ сидячіе крещеные каряки, 10 человекъ Гежигинскаго вѣдомства, они содержатъ ганбу каюрнаго. Я, передневавши здѣсь, отправился 24-го числа въ путь. Три дня слѣдовалъ чрезвычайнымъ убродомъ снѣга и достигъ только до пустой юрты, построенной на срединѣ тракта отъ Ямской крѣпости до Сигланскаго острожка, гдѣ жилъ за случившейся пургой два дня; и тридесятаго числа доѣхалъ до Сигланскаго острога сидячихъ послѣднихъ по сему тракту карянь—и того ч. въ ночь отправился къ острожку Олѣ сидячихъ тунгусовъ и перваго числа прибылъ въ оный; здѣсь нашелъ я весьма порядочнаго старшину; и лучшихъ во всѣхъ частяхъ прочихъ карянь. Порядокъ и самыя юрты оныхъ очень опрятныя всѣхъ обитателей по сей дорогѣ жилища свои имѣющихъ.—2 ч. отбылъ изъ сего селенія и 4 ч. достигъ до селенія

жъ тунгусовъ, называемаго Армакъ, изъ коего тогожъ ч. отправились достигъ въ крѣпость Ямскую, въ которой передневавши день. пустился въ свой путь. 12-го числа утромъ прибылъ въ портъ Охотскій и по особенному ко мнѣ усердію прежняго моего сослуживца приглашенъ былъ къ нему на нѣсколько дней моего въ Охотскѣ пребыванія на ночлегъ, и все общество прежнихъ моихъ знакомыхъ усердствовало особенными знаками ко мнѣ своей привѣтливости. И проживши 20 и 19-го числа въ Охотскѣ, отправился въ свой путь, коимъ и слѣдовалъ до селенія, Арки называемаго, на собакахъ, а оттуда съ тунгусами на вѣрныхъ оленяхъ до мѣстечка Чернаго Лѣса, откуда уже слѣдовалъ на лошадяхъ до Якутска, въ который прибылъ 8-го числа марта, и присталъ на квартиру у стараго моего знакомаго, господина якутскаго купца Алексѣя Андреевича Захарова и, проживши до 11-го ч., отбылъ въ Иркутскъ того жъ числа.

По указу ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА
ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА

Александра Павловича

Самодержца Всероссийскаго

и прочая, и прочая и прочая.

Отъ Нижнекамчатска до Гежинска отправляющемуся по казенной надобности Камчатскаго Гарнизоннаго баталіона Капитану Федорову съ будущимъ при немъ давать по двѣ подводы съ проводниками за указныя прогоны безъ задержа-нія. Нижнекамчатскъ, Ноября 28 дня, 1805 года.

ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА Всемилоствѣйшаго Государя Моего отъ арміи Генераль-Маіоръ шефъ Камчатскаго Гарнизоннаго баталіона, области Камчатской правитель Кошелевъ.

(Печать.)

Въ первыхъ числахъ іюля 1804-го года прибылъ въ Гавань Петропавловскую Фрегатъ „Надежда“, обошедшій кругомъ свѣта; путь его былъ мимо Капъ-Горна; чрезвычайно скорый вояжъ довольно доказываетъ свѣту искусство Россійскихъ мореходовъ. Происшедшія непріятности у флотскихъ офицеровъ съ Посланникомъ, Господиномъ Дѣйствительнымъ Камергеромъ Резановымъ, который принужденъ былъ по прибытіи въ гавань немедленно отправить курьера къ Правителю Камчатки, Господину Генераль-маіору Кошелеву, и просилъ его о скоромъ прибытіи въ гавань для принятія мѣръ относящихся до посольства; коего единственную цѣль можно усмотрѣть изъ приложенной при окон-

чанія записокъ моихъ копіи съ грамоты къ двору Японскому. По полученіи отъ Резанова увѣдомленія, Генераль-маіоръ Кошелевъ вскорѣ явился въ гавань, взявъ съ собою меня и поручика Кошелева. Первый предметъ его былъ содѣйствовать къ пользѣ отечества; онъ усерднымъ стараніемъ своимъ успѣлъ прекратить ссору, такъ что и посольство отъ того долженствовало остановиться; а какъ общимъ признаніемъ всѣхъ нашелся главной пружиной ссоры бывший кавалеромъ при посольствѣ гвардіи поручикъ Графъ Толстой, то и рѣшили тѣмъ, что оставили его въ Камчаткѣ.—Когда жъ началось приготовленіе къ пути въ Японію, то господинъ Резановъ просилъ нашего шефа откомандированія двухъ офицеровъ въ его свиту, куда достался мнѣ поручикъ Кошелевъ и командировано десять человѣкъ изъ баталіона нашего воинской команды.—Съ сего времени я почелъ за нужное вести памятные записки, въ кои вношу только то, что своими глазами видѣть могъ; и что казалось мнѣ любопытнымъ.

Я не описалъ въ нихъ дни коронаціи Нашего Государя, который мы весело праздновали на водахъ японскихъ, но то можно видѣть изъ приложенной при семъ копіи съ рѣчи, говоренной Посланникомъ. По окончаніи коей розданы были имъ, всѣмъ вообще нижнимъ служителямъ—корабля „Надежды“ медали.—Я не говорю ничего въ запискахъ моихъ объ одеждѣ японцовъ; прилагаю при семъ подлинной ихъ живописи картины, изъ которыхъ можно имѣть понятіе о ихъ костюмѣ.

Августъ ч. 27-е. Сего числа въ семь часовъ утра, отправились изъ гавани Петропавловской въ Японію; лишь только вышли изъ рейда въ открытое море, я пораженъ былъ обыкновенною морскою болѣзною, въ коей страдалъ три дня: а потомъ избавившись отъ нея, былъ уже всегда въ морѣ здоровымъ; путь нашъ продолжался по 18-е число Сентября благополучнымъ, а 19-го увидѣли берега достигаемаго нами предмѣта (это былъ островъ Ниппонъ) и мы недолго наслаждались пріятнымъ удовольствіемъ смотрѣть на обѣтованную землю, ибо NN вѣтръ чрезъ два часа по предсказанію барометра, произвелъ страшную бурю, коей описать я не въ состояніи. Подумайте, каково было положеніе слабаго судна, подверженнаго служить игралищемъ разяреному морю; то возносило оно было на верхъ водяной горы, то низвергаемо въ пропасть; съ бока ударялъ въ него валъ, отягчаемый другимъ валомъ, который, упадая, казалось совсѣмъ погружалъ его въ воду; вѣтръ учинился порывистъ, неравенъ и безпорядоченъ; мы при-

нуждены были терпѣть всѣ его своевольства, онъ переходилъ съ румба на румбъ и обтекалъ столь скоро весь горизонтъ, что дулъ, казалось, со всѣхъ четырехъ сторонъ свѣта; потомъ, поднимаясь вихремъ, упалъ стремительно, какъ бы брошенъ былъ съ неба и принуждалъ волны унижаться подь его тяжестію. Минуту спустя, поднималъ онъ корабль нашъ на воздухъ, дабы низвергнуть тѣмъ глубже въ бездну. Страдалъ много тако жъ корабль отъ сильныхъ ударовъ, будучи внѣ воды, гдѣ вѣтръ производилъ стукъ; подобный громовому; хотя мы близко находились другъ отъ друга, надлежало еще болѣе стѣсниться, и кричать изо всѣхъ силъ, чтобы насъ слышали. Всѣ паруса, кромѣ нѣсколькихъ штормовыхъ стакселей. были убраны, рвеніе вѣтра столь было сильно, что вдребезги изломало удареніемъ валовъ три ялика, прикрѣпленные на верху шканцевъ, вода лилась уже на мостъ и втекала въ корабль—въ довершеніе большаго несчастія, при поворотѣ въ мгновеніе отшибло въ кормовой части баллюстраду подлѣ самыхъ окошекъ капитанской каюты; и однимъ валомъ—въ то отверстіе—налило до половины каюты водою. Вотъ минуты, въ которыя содрогнулся бъ и самый твердый духъ. но капитанъ, скрывая очевидную опасность, всячески усердствовалъ ободрять людей своею непоколебимостію онъ собственными трудами старался починять немалый проломъ, который въ скоромъ времени общими всѣхъ силами задѣланъ былъ вовсе. Во время продолженія сей бури насосы дѣйствовали всѣ непрерывно, и какъ вода не преставала умножаться, многіе матросы приходили въ отчаяніе, и нѣкоторые уже говорили:— „погибаемъ, тонемъ, Боже, помилуй насъ“, послѣ чего едва не прекратилась работа. Всѣ приносили теплыя молитвы Всевышнему, какъ при послѣднемъ часѣ своей жизни. Вѣтры, кои до того боролись между собою, соединясь, возносили волны до облаковъ.

Отъ сей перемѣны поднялся несильно корабль и люди ободрились, видя что вода не такъ въ него льется сильно. Таково было положеніе наше двадцать шесть часовъ. По прекращеніи бури,—во многихъ мѣстахъ—увидѣли корабль нашъ обезображеннымъ. Все предстало глазамъ нашимъ изломанное и изорванное, какъ будто послѣ сильнаго пожара.—Сей несчастный день—да будетъ вѣчнымъ памятникомъ въ моей жизни.

Сент. 27 ч. До сего числа имѣли плаваніе въ виду острововъ японскихъ, но за маловѣтріемъ и противною погодою не могли подойти къ онымъ; межъ тѣмъ успѣли привести въ порядокъ починкою свою разстройку;— и благоприсутствующимъ вѣтромъ сего числа благополучно прошли

Дименскій проливъ, гдѣ совершенно оказался намъ японскій портъ Нагасаки, къ которому приближаясь, въ первомъ часу пополудни—увидѣли плывущее къ нашему кораблю малое Японское гребное судно съ двумя чиновниками, которые подойдя къ борту корабля; черезъ переводчиковъ *) спрашивали кто мы такіе, и получа въ отвѣтъ, что россияне, продолжали любопытство о многомъ, и что слышали все вносили въ записныя книжки. Отъ насъ предложено имъ угощеніе, но они не могли взойти на корабль, отзываясь запрещеніемъ своихъ законовъ, а когда подали къ нимъ въ лодку бутылку съ виномъ и двѣ на подносѣ рюмки, то они какъ изъ рюмокъ, такъ равно и изъ бутылки вылили въ мѣдной свой котлигъ, потомъ немедленно отправились въ городъ, показавъ намъ предметъ, на который должно держать курсъ для входа въ гавань, по приближеніи къ оной, увидѣли множество идущихъ къ намъ судовъ; кои, подойдя къ кораблю, назначили мѣсто, гдѣ положить якорь, со изъявленіемъ неудовольствія, для чего мы прошли ихъ то мѣсто, которое назначено для голландцевъ останавливаться на якорь; и получа въ отвѣтъ наше незнаніе, старались извиняться учтивостію находящихся на сихъ судахъ чиновниковъ; многіе требовали отъ насъ письменныхъ донесеній, къ ихъ Губернатору со изъясненіемъ, подробныхъ причинъ, нашего къ нимъ прибытія. И когда получили отвѣты, что сіе не иначе можетъ изъяснено быть, какъ лично отъ нашего—ихъ Губернатору, то съ тѣмъ многіе о тотъ часъ отправились въ городъ.

Въ шесть часовъ пополудни увидѣли другую свиту, во множествѣ идущихъ вмѣстѣ судовъ, и въ томъ числѣ на одномъ примѣтили голландскій флагъ. Когда подошли къ борту корабля, два ихъ офицера, взошли къ намъ на шканцы, и первыя слова ихъ были просьба, чтобъ отъ насъ запрещено было служителямъ палить изъ пушекъ, доказывая, что по законамъ ихъ сіе должно исполнить, и когда получили на то наше согласіе, были тѣмъ очень довольны и минуты черезъ двѣ донесли, что съ ними на суднѣ есть для встрѣчи намъ большой чиновникъ, называемый оберъ-бонжосъ и онъ есть, Губернаторскій помощникъ, о чемъ отъ насъ ту минуту донесено посланнику: и отъ него посланъ офицеръ просить вельможу на корабль, который съ пышною свитою; поднять былъ къ намъ на шканцы, и проведенъ въ каюту. По прибытіи приглашенъ садиться на диванъ. Его первые вопросы были о причинѣ нашего при-

*) Переводчиками намъ служили тѣ японцы, которые несчастнымъ жребіемъ выкинуты были въ 795-году на города Алеутскіе и отправлены были изъ Петербурга въ свое отечество.

бытія, потомъ:—какъ давно изъ Россіи, какимъ мѣстомъ шли, куда во время похода заходили, сколько насъ числомъ, и какого состоянія люди,—на все получа короткіе отвѣты,—тотчасъ записалъ въ свою книжку. Потомъ чрезъ переводчика сказалъ—хотимъ ли мы видѣть голландцевъ и, получа отъ насъ истинное наше удовольствіе, приказалъ ввести ихъ на корабль; при входѣ ихъ въ каюту, оберъ-толкъ японскій закричалъ громкимъ голосомъ: „оберъ-гофъ, комплиментъ махинт.“; по сихъ словахъ, голландской факторіи правитель оберъ-гофъ, флотской капитанъ, Секретарь Конференціи и одинъ волонтеръ, приближась къ вельможѣ японскому, дѣлали ему забавной для насъ на первой случай комплиментъ, они наклонились ниже пояса, опустили обѣ руки книзу, и въ семь положеніи были неподвижны, пока переводчикъ не далъ имъ знака подняться.—Послѣ рекомендовались послу и знакомились съ нами; разговоръ продолжался на французскомъ и нѣмецкомъ языкахъ, мы съ ними провели время до перваго часу пополуночи. Онѣ угощаемы были виномъ и табакомъ и отбыли отъ насъ вообще съ японцами довольно веселы. Однако жъ кругомъ нашего корабля японцы оставили лодокъ до пятидесяти, подъ видомъ нашей прислуги.

28-го ч.—До пяти часовъ пополудни провели время очень скучно. Пресильный жаръ не позволялъ четверти часа пребыть на шканцахъ, хотя довольно было предметовъ насыщать наше любопытство. Японцы безпрестанно пріѣзжали въ разныхъ лодкахъ смотрѣть нашъ корабль: въ шестомъ часу увидѣли идущихъ къ намъ гребныхъ судовъ болѣе прежняго, на коихъ громъ нестройной музыки былъ слишкомъ Изъ нихъ небольшое одно пристало къ борту нашего корабля—и командиръ онаго просилъ о принятіи привезенной свѣжей провизіи, которая состояла изъ свинины, дворовыхъ птицъ, сарачинскаго пшена, куриныхъ яицъ, и разной зелени. Все сіе съ благодарностію нами принято и послѣ прочіе суда окружили нашъ корабль, и чиновники, прежде бывшіе, взошли въ каюту. Продолжали повторять вопросы прежніе и все, что получили въ отвѣтъ, вносили въ записныя книжки. По просьбѣ командира нашего корабля, сняли оный съ якоря, и привели буксиромъ къ мѣстечку, Патенбергъ называемому (это есть та славная гора, съ которой въ прошлыя времена, по истребленіи японцами христіанской вѣры, всѣ исповѣдующіе оную низвергаемы были въ море), гдѣ положили якорь, и чиновники, распротаясь съ нами, отправились въ городъ. Караулъ, окружавшій нашъ корабль, остался по прежнему. Сего жъ вечера японцы требовали о выгрузкѣ съ корабля пороха и всѣхъ партикулярныхъ оружейныхъ вещей, кромѣ офицерскихъ шпагъ и

солдатскихъ ружей, все сіе безпрекословно отъ насъ получили и отвезли въ свой арсеналь.

29-го ч. Прекрасный день и новые предметы поминутно приѣзжающихъ въ разныхъ судахъ японскихъ гражданъ доставляли намъ немало удовольствія; въ пять часовъ пополудни Свита эскадры показалась изъ гавани, и одна передовая лодка привезла намъ гораздо больше прежняго всякой провизіи. Послѣ того пристала японская флотилія, и чиновники взошли на корабль, но голландцевъ уже съ ними не было. Они просили у посла копію съ грамоты къ ихъ императору и, получа, переписали чины, имена и лѣта нашихъ офицеровъ. Потомъ отбыли въ городъ.

30-го ч. Провели день, не видавъ своихъ новыхъ знакомцевъ. Они вчерашняго числа прощались съ нами. Сказали, что у нихъ завтра праздникъ, который должны по своимъ обрядамъ непременно отпраздновать. А потому и объявили намъ день отдохновенія.

1-го ч. Въ одиннадцать часовъ утра прибыли къ намъ на корабль новыхъ два чиновника; привезя съ собою прежде взятые отъ насъ копіи съ грамоты, для вѣрнаго перевода на ихъ языкъ и въ три часа пополудни отправились въ городъ.—Бывшіе съ ними въ свитѣ офицеры старались узнавать отъ насъ разныя названія на російскомъ языкѣ и, получа, изъясненія вносили въ записныя книжки, межъ тѣмъ, довольно оказывали намъ своей ласки, которая замыкалась снисканіемъ дружества.

2-го ч. Былъ день отдохновенія. Сильный дождь, продолжавшійся цѣлыя сутки дѣйствительно его таковымъ сдѣлалъ.

3-го ч. Крѣпкій вѣтръ разстроилъ японскій караулъ, насъ окружавшій. Лодокъ до пятидесяти, стоявшихъ на морѣ, во время вѣтра при великомъ крикѣ и смятеніи снялись съ якоря и убрались въ близлежащую отъ насъ бухту, и какъ видно, за погоду, у насъ японскихъ чиновниковъ цѣлый день ни одного не было.

4-го ч. Поутру въ одиннадцать часовъ прибыли къ намъ два бонжоса; они межъ разговоровъ увѣдомили насъ, что прежде мы не можемъ сойти на берегъ, пока не получитя Губернаторомъ изъ Іедо на то повелѣніе, и тогда отъ насъ предложены были причины, о невозможности стоять на семъ мѣстѣ на морѣ, и что насъ въ крѣпкій вѣтръ

может сорвать съ якоря и унести въ море. А вещи оружейныя и порохъ должны остаться у нихъ, то по немаломъ разсужденіи сказали намъ, что сегодня скажутъ тѣ причины Губернатору; и немедленно о резолюціи насъ увѣдомятъ, что и послѣдовало въ шестомъ часу пополудни: пріѣхали къ намъ два переводчика, увѣдомляя, что завтрашняго числа въ 9-ть часовъ утра введено будетъ наше судно въ безопасное отъ вѣтровъ мѣсто. Сего числа также привезена намъ свѣжая провизія.

5-го ч. Въ девять часовъ утра окруженъ былъ корабль нашъ 150 лодками для буксира; въ 11 часовъ прибыли чиновники, и по входѣ ихъ на корабль, немедленно былъ поднятъ якорь. 99-ь лодокъ начали работу и въ два съ половиною часа проведено было наше судно семь итальянскихъ миль и положенъ якорь противъ предмѣстія порта. Ничего не было пріятнѣе зрѣлища сего прекраснаго мѣстоположенія и удивительнаго творенія природы. Превысокія каменистыя горы, обработанныя почти до самыхъ вершинъ руками трудолюбивыхъ японцевъ, всюду представляли поля, усѣянныя хлѣбомъ и овощами. Амфитеатромъ насаженныя по пригоркамъ рощицы и въ равнинахъ искусно устроенныя аллеи, дѣйствительно, изображали все мѣстоположеніе въ глазахъ нашихъ очаровательнымъ, вездѣ по берегамъ казались толпами любопытствующіе насъ видѣть японцы, и прекрасныя нимфы страны азіатской цѣлый день съ музыкою развѣзжали мимо нашего корабля въ лодкахъ, и казалось изъявляли свою радость, насыщая зрѣніе на новыхъ знакомцевъ.

17-го ч. До сего числа провели время, не выдавъ бонжосовъ, а были у насъ два раза переводчики, которые называются по японски толки, они привозили въ первый разъ два плана на мѣста лежащія отъ насъ на лѣвой сторонѣ берега. Такъ что, ежели будетъ угодно посланнику выѣхать на берегъ, то бѣ одно изъ нихъ выбралъ для гулянья, а во второй пріѣздъ объявили, что назначенное посланникомъ мѣстечко—Гатько.

18-го ч.—Въ два часа пополудни прибыли два бонжоса, съ обыкновенной свитой; они предложили услуги ѣхать въ приготовленное мѣстечко. Посланникъ приказалъ немедленно приготовить шлюпку и отправился на берегъ со свитой своихъ офицеровъ—гдѣ по пріѣздѣ былъ особенно опредѣленными офицерами принять и приглашенъ въ нарочно для него сдѣланный. Ко угощенію поднесенъ ему прекрасный ящикъ конфектъ,—чрезвычайнаго

приготовленія. Это былъ презентъ нагасакскаго губернатора. Въ четыре часа возвратился посолъ на корабль. Ему какъ при отбѣздѣ, равно и по прибытіи, была сдѣлана съ корабля нашего честь карауломъ и матросами.

29-го ч. Все прошедшее время стояли на одномъ мѣстѣ. А сего числа, по выходѣ двухъ голландскихъ фрегативъ въ Батавію, перевели насъ по прежнему буксиромъ, на ихъ мѣсто. Гдѣ, положа якорь, ожидаемъ теперь рѣшенія своихъ предприятий. Мѣсто сіе веселѣе еще прежнихъ тѣмъ, что съ двухъ сторонъ положеніе прекрасныхъ береговъ представляетъ удивительную картину. Съ третьей весь виденъ городъ а съ четвертой—въ дали блеститъ напугавшій насъ, усыпанный подводными каменьями такъ свирѣпый океанъ.

4-го. Сего числа приведено къ намъ съ двумя переводчиками старое чудной конструкціи китайское судно съ тѣмъ, что когда нужно починять нашъ корабль, то бѣ перевезти грузъ на оное, и перейти на то время послу. Но какъ по осмотру нашего Капитана, оказалось оно для складки груза и житія офицерамъ совсѣмъ неспособно; то прошены переводчики изъявили сіе губернатору, и что посолъ надѣется получить приличную ему квартиру на берегу.

6-го ч. Имѣли терпѣніе до сего числа! и дождались резолюціи, она есть слѣдующая: въ шесть часовъ утра прибыли къ намъ пара бонжосовъ,—они объявили, что приготовленъ въ городѣ для посла и его свиты домъ, который просили кого угодно послать осмотрѣть, что исполнено отъ насъ посылкою четырехъ офицеровъ, которые по прибытіи обратно на корабль донесли послу, что домъ для житія и поклажи посольскихъ вещей годенъ.—Теперь началось приготовленіе къ походу: двухэтажнаго лодка, украшенная разноцвѣтными концевыми занавѣсками, и внутри лакированная съ бронзовой обдѣлкой комната, служила намъ покойнымъ до предмѣстія нашей квартиры плаваніемъ. Мы въ двѣнадцать часовъ въ ней помѣстились; а именно: посолъ, весь его кортежъ и воинская команда, и продолжали походъ съ барабаннымъ боемъ и воинской музыкой, состоящей изъ гобоевъ и бубновъ. Во время двуверстнаго вояжу отъ чиновниковъ японскихъ угощаемы были чаемъ по ихъ обряду, безъ сахара, конфетами и померанцами. Доѣхавъ, близъ берега по причинѣ мели пересѣли на другую лодку, гораздо менѣе конструкціей сего судна; но украшеніемъ прежней, и пойдя на ней къ берегу; нашли на многихъ лодкахъ сдѣланный мостъ, по которому взошли прямо въ квартиру нашего замка; такъ

называю его потому, что онъ окруженъ весь строеніемъ и крѣпкимъ японскимъ карауломъ, комнаты дома убраны по азіатскому манеру безъ великолѣпія послѣдняго, но весьма чисто. Весь полъ устланъ искусно вытканными изъ травы коврами, что насъ принудило ходить въ однихъ чулкахъ, безъ башмаковъ. Стулья и столы мы имѣли съ корабля своего ибо въ домѣ кромѣ жаровень съ углями ничего не было. Для офицеровъ назначено каждому по особой комнатѣ, но я расположился вмѣстѣ съ Гермолаемъ Карловичемъ Фредерици и Дмитріемъ Ивановичемъ Кошелевымъ и заняли только два покая.—Во время нашего хода, видны были по берегамъ бухты съ обѣихъ сторонъ японскія войска до девяти тысячъ человѣкъ. Они по своему правилу сидѣли всѣ въ двѣ линіи.

14-го ч. До сего числа продолжалася выгрузка съ корабля нашего японскими рабочими людьми; она начиналась съ десяти часовъ утра, и оканчивалась въ 5-ь пополудни. Въ сіе время дежурили въ нашемъ замкѣ два бонжоса, съ немалой при нихъ свитой офицеровъ и прочихъ служителей, которые каждодневно смѣнялись, и во время своего дежурства бонжосы одинъ разъ посѣщали посла для изъявленія своего почтенія. Мы сіе время проходили не безъ скуки. По непривычкѣ къ жизни въ нетопленныхъ комнатахъ,—ибо здѣсь дневной жаръ нисколько несоразмѣренъ ночному холоду,—посѣтила многихъ изъ насъ простуда, но при хорошей японской пиццѣ, какъ-то: разныхъ зеленей, двухъ родовъ апельсинавъ, и весьма крупныхъ цитронововъ, изъ коихъ очень удобно дѣлать цѣлительное питье и т. д., все сіе вскорѣ привело насъ въ прежнее состояніе.

25-го ч. День Рождества Христова по нашему исчисленію оставленъ безъ празднованія.

26-го. По морскому исчисленію сей день былъ Рождества Христова. Командиръ фрегата Капитанъ-Лейтенантъ Иванъ Федоровичъ Крузенштернъ, Капитанъ-Лейтенантъ Магаръ Ивановичъ, Лейтенантъ Пегръ Трофимовичъ Головачевъ, астрономъ Иванъ Ивановичъ Горнеръ, Штурманъ 12-го класса Филипъ Ивановичъ Кашеньщиковъ имѣли обѣденный столъ у посла; и проведя время до шести часовъ вечера—довольно весело убили его на фрегатѣ.

27-го. Посоль со всей своей свитой офицеровъ имѣлъ обѣденный столъ на фрегатѣ: отбылъ изъ Мегасаки въ часъ пополудни. А при. былъ въ замокъ въ семь часовъ вечера довольно веселымъ.

1-го Января 1805 года. Число первое, по общему исчисленію Россіи; не считалось въ нашей экспедиціи началомъ новаго года, а оное праздновали 2-го ч.; россияне въ первый разъ имѣли случай праздновать начало 1805-го года въ Японіи въ славномъ портовомъ городѣ Нагасаки въ мѣстечкѣ лежащемъ у предмѣстія города, именуемомъ Мегасаки.

Тутъ вспомнилъ я, содрагаясь чувствованіями, ту отдаленность, которая раздѣлила меня съ любезными друзьями и лишаетъ ласковой надежды ко исполненію моихъ намѣреній. Я располагалъ чрезъ годъ возвратиться въ отечество; но медленность японскаго правительства, не подаетъ способовъ такъ скоро исполнить предпріятіе. Теперь прекращу оное подробное изъясненіе своихъ чувствованій, общество нашей компаніи довольно весело провели начало Новаго Года; но я во все то время казался весьма скучнымъ и, углубившись въ задумчивость томной меланхоліи, ничѣмъ не могъ разъяснить овладѣвшей мною печали, — трехмѣсячное время, которое мы провели въ Японіи и разные предметы, довольно могущіе удовлетворить свободное чувство, все это мнѣ назалось одной бесполезной химерой — не знавъ совершенно причинъ разбившей меня печали, я не могъ о этомъ иначе заключить, какъ только, признавая оную за какое нибудь нещасное предвѣщаніе. Въ теченіе вѣка моего будетъ сей день памятникомъ незабвеннымъ который чтимъ вездѣ, — и въ Японіи благословеннымъ день тезоименитства блаженной памяти родителя своего. Любезные друзья! вы, конечно подумаете, что я празновалъ мѣсто и домъ, въ которомъ жилъ посоль обыкновеннымъ житейскимъ увеселеніемъ, нѣтъ! я скажу вамъ противное: уединенная комната японскаго дома цѣлый день была свидѣтелемъ моей бесѣды, нѣсколько горячихъ слезъ, пролитыхъ изъ глубины сердечной, были сопутниками душевныхъ чувствованій и наконецъ въ восемь часовъ вечера я былъ отозванъ къ вечерней зарѣ.

Января 12-го ч. Сего числа въ восемь часовъ утра термометръ показывалъ намъ теплоты 10 градусовъ, а въ полдень 15, и цѣлый день непрерывно шелъ пресильный дождь съ грозою. Тогда я въ душѣ моей, сравнивая климатъ любезнаго моего отечества со здѣшнимъ сказалъ самъ себѣ: какаѣ разность! тамъ жестокіе морозы, положи на всѣхъ рѣкахъ крѣпкіе свои оплоты и земля твердо покрыта глыбами бѣлой одежды снѣга, словомъ вся природа царствуетъ; дожидая постепенно времени своего, порядочно оною на четыре части въ году устроеннаго. — Здѣсь совсѣмъ неизвѣстны средственныя морозы и снѣгъ и цѣлый годъ продолжается зелень и жители Японіи во всякое время

довольствуются разными прозябаніями и плодами.—Судя по семъ многіе скажутъ:—японцы счастливы;—нѣтъ! они не имѣютъ свободы чело-вѣчества.

18-го ч. Съ сего числа у японцевъ начинается предпразднество Новаго Года, и жители стараются одинъ передъ другимъ имѣть преимущество во украшеніи своихъ домовъ разными деревьями и плодами. По просьбѣ посланника и нашъ домъ по ихъ обыкновенію также былъ украшенъ слѣдующимъ образомъ:—надъ всѣми воротами и дверями прибили зеленый ельникъ и бамбукъ, на верхней притолокѣ повѣшено были на сплетенной веревкѣ (изъ травы сарочинскаго пшена) связанные въ одинъ букетъ—апельсинъ съ вѣтвю, вареный ракъ большого рода, угоръ и разные сухіе плоды, все сіе означало желаніе изобилія въ наступающей новый годъ. Въ семь часовъ пополудни нагасакскій Губернаторъ прислалъ къ послу съ переводчикомъ талехичеръ (sic), презентъ для новаго года; онъ состоялъ изъ слѣдующихъ вещей: два превеликіе непеченые хлѣба изъ сарочинскаго пшена; (они очень похожи видомъ на самый чистый голландскій сыръ), на нихъ положенъ апельсинъ съ вѣтвю, разные сухіе плоды, вареный ракъ, соль и пшено, все сіе оплетено зеленою. Переводчикъ, объявивъ комплиментъ, сказалъ, что у нихъ такіе подарки посылаются только къ однимъ знатымъ вельможамъ и по прошествіи трехъ дней можно присланное кушанье употребить въ пищу.

Февраля 19-го ч. Цѣлый мѣсяць провели въ ожиданіи прибытія вельможи; слѣдующаго изъ столицы японской Едо, который по увѣдомленію переводчиковъ долженъ прибыть съ довѣренностію Императора (въ разсужденіи приѣма посольства) съ рѣшительнымъ извѣстіемъ, по послѣднее время наше положеніе обстоитъ въ неизвѣстности настоящей цѣли плановъ японскихъ.

Сего числа прощенный день, и онъ нами былъ почти забытъ. Компаньоны мои, Гермолай Карловичъ Фредерици, и Дмитрій Ивановичъ Кошелевъ обѣдали и ночевали на фрегатѣ; я, когда собирался ложиться спать, увидѣлъ передъ собой своего барабанщика Бѣлова, который былъ въ изрядной подгуляи, и просить у меня прощенія, я спрашиваю о причинѣ, наливая себѣ межъ тѣмъ стаканъ воды,—онъ отвѣчалъ:—я доволенъ.—„Сочти воду за водку—сегодня прощенный день“!—и такъ получа вмѣсто водки поцѣлуй, отправился въ свое мѣсто. А я, распростившись мысленно съ удовольствіями масленицы російской, поспѣшилъ подъ покровъ Морфея.

Марта 23-го ч. Сего числа поутру въ 11-ть часовъ, пришли къ намъ три оберъ-толка, а именно: Скидеймо, Саяъ-Сабуро, Татикиро. Они объявили о прибытіи изъ Іедо, сего марта 16-го числа вельможи; по японски называемаго Дэймпо, который по ихъ старшинству вельможъ состоитъ во второклассныхъ чиновникахъ. Переговоръ продолжался о церемоніяхъ какъ принять посла, имъ весьма хотѣлось взять преимущество во всемъ противъ нашего посланника, но на многіе унижительныя предложенія онъ никакъ не соглашался о чемъ они хотѣли доложить своему министру и на чемъ положено будетъ. Сегодня жъ насъ увѣдомили. Въ 6-ь часовъ пополудни пришли тѣ жъ самые, объявили наше требованіе обработаннымъ; и назначили время къ аудіенціи завтра въ 8-ь часовъ утра, изъ разговоровъ между прочимъ узнали, что случившійся въ прошедшихъ дняхъ; а именно. 21-го и 22-го числа большой у нихъ праздникъ (называемой Мусъме-Матдуре, на нашъ языкъ переведенъ—розанъ дѣвиць, и онъ то былъ причиною медленнаго увѣдомленія о прибытіи министра). А празднуютъ его по большей части всѣ тѣ, которые имѣють дочерей въ дѣвушкахъ, онѣ тогда щеголяютъ другъ предъ другомъ въ богатствѣ и убранствѣ разныхъ родовъ куколъ; которымъ во время церемоніи накрываются полы и становится разное кушанье и конфеты—весьма странный обрядъ.

24-го ч. Термометръ показывалъ въ полдень 19 градусовъ теплоты. Въ 8-мъ часу утра прибыли къ намъ вышесказанные переводчики; они объявили, что къ отъѣзду нашему въ городъ Нагасаки для полученія аудіенціи гребные суда подъ командою оберъ-бонжоса готовы;—который послѣ того вскорѣ и самъ со извѣстіемъ о готовности къ послу нашему явился.—Въ началѣ девятаго часа мы отправились слѣдующимъ образомъ: небольшая открытая лодка по причинѣ мели у берега пристала къ воротамъ нашего замка, посланникъ со свитой, а именно: Надворный Совѣтникъ Фаге, свиты Государя Маіоръ Фредерици, я, поручикъ Кошелевъ, докторъ Ланддорфъ, со штандартомъ унтеръ офицеръ Кузнецовъ, взошли на сказанную лодку, на коей привезены были къ большому гребному и сверху покрытому судну, въ немъ шли на 30-го гребцахъ по заливу и во время шествія мимо фрегата нашего, съ него сдѣлана была матросами по реямъ посланнику честь, и приближаясь къ мѣстечку Дезимъ, занимаемому голландскою факторією, увидѣли въ ономъ поднятій флагъ и на балконахъ стоящихъ факторіи директора со всей свитой, которые неоднократно дѣлали намъ почтеніе поклонами. А подходя къ пристани города, пересѣли на другую лодку по той же причинѣ, какъ сначала отправились, и приставши къ берегу вышли на огромную площадь, которая со всѣхъ сторонъ окружена была вой-

скомъ и занавѣшана со всѣхъ сторонъ разноцвѣтнымъ полотномъ. По выходѣ изъ лодки посланникъ приглашенъ былъ садиться въ киримонъ, который несли шесть человѣкъ солдатъ, впереди онаго шли десять паръ бонжосовъ,—за ними шесть человѣкъ солдатъ съ большими въ рукахъ палицами, одинъ за однимъ, по три человѣка на сторонѣ. Позади ихъ мы шли съ переводчиками; позади насъ, вышесказаннымъ образомъ, шесть человѣкъ солдатъ, за ними ѣхалъ кавалерійскій офицеръ на лошади, которую подъ узду велъ два человѣка солдатъ, за нимъ шли пѣшіе множество офицеровъ и солдатъ, а за ними великая толпа народа. Проходя, мы видѣли прекрасныя, не очень широкія, но крайности чистыя улицы, которыя очень ровно устланы дикимъ тесаннымъ камнемъ, но далѣе по обѣимъ сторонамъ соединены по болшей части подъ одну крышу, всѣ занавѣшаны цыновками и полотномъ.— Однако, при всемъ искусствѣ японцевъ—скрывать отъ европейцевъ свое обстояніе, мы видѣли много прекрасныхъ нимфъ сквозь рѣдкія цыновки и великія скважины, искусно сдѣланныя нѣжною ихъ рукою; думаю,—не для того больше, чтобъ смотрѣть на незнакомыхъ, но чтобъ показать цвѣтуція свои прелести, и мы примѣтили довольно розъ непоблеклыхъ. Пройдя болше десяти улицъ, кои одна отъ другой отдѣляются воротами и при нихъ карантинъ—наконецъ дошли къ огромному деревянному дому Губернатора, который со всѣхъ сторонъ окруженъ былъ карауломъ. Вошедъ въ переднюю, приняты были оберъ-переводчиками, и введены во внутреннія комнаты, въ коихъ всюду видны были сидящіе чиновники. Но кромѣ преувидительной чистоты роскошь въ японскихъ домахъ, кажется, совсѣмъ не имѣетъ мѣста. Итакъ послу была назначена комната, а свитѣ его особливая, минутъ чрезъ пять просили посла въ залу аудіенцій,—при двухъ офицерахъ нашей свиты, и онъ, пошедши, взялъ съ собою Надворнаго Совѣтника Фаге, и маіора Фрідерици, а мы всѣ остались въ его комнатѣ; гдѣ угощаемы были курительнымъ табакомъ, чаемъ и бисквитами, черезъ часъ посолъ возвратился и мы шли обратно вышесказаннымъ образомъ до своей квартиры, и въ то время, какъ ни старалась строгая полиція разгонять чернь желѣзными своими палками—но она всюду толпилась тысячами. Что говорено было на аудіенціи, то изъяснится въ своемъ мѣстѣ.

Марта 25-го ч. Сего числа въ 10-ть часовъ утра прибылъ къ намъ бонжосъ, командующій гребными судами, чрезъ переводчиковъ объявилъ вторую аудіенцію и мы, отправясь въ одиннадцать часовъ въ городъ—противъ вчерашняго въ дорогѣ имѣли ту разность, что по причинѣ сильнаго дождя съ грозою, насъ несли по улицамъ города въ киримонахъ. Аудіенція открыта по прежнему—тутъ объявлены пункты изъ

грамоты, данной японскимъ правленіемъ Россійскому,—что торговля не позволяется, по причинамъ совсѣмъ не основательнымъ, а болѣе смѣшнымъ, то есть, когда бѣ былъ съ Россіею устроенъ торгъ, тогда бѣ могли случиться невозможности въ правленіи ихъ усмотрѣть за мелкими людьми, въ разсужденіи тайной мѣны вещей съ ихъ мелкими жѣ людьми, однимъ словомъ, показали, что имъ непріятна торговля съ сильнымъ Государствомъ Россійскимъ. 2-е—за подарки Россійскаго Государя японскій весьма благодаритъ, только принять оныя не можетъ, потому-что не имѣеть средствъ отблагодарить, взаимнымъ образомъ. Также благодаритъ и за тѣхъ японцевъ, которыхъ мы доставили. но проситъ притомъ, чтобъ на будущее время—если случится такое жѣ несчастіе съ подданными его, и оныя спасены будутъ, на берегахъ Россійскихъ, чтобъ ихъ ужъ не доставлять болѣе въ отечество свое, ибо чрезъ-то Россія теряетъ весьма много на доставку ихъ казны, а люди имъ не очень нужны. 3-е, что во время своего пребыванія мы получали отъ нихъ жизненные припасы, за то деньги отъ насъ не пріемлются и никакихъ вещей за деньги купить намъ не позволено; что жѣ нужно въ дорогѣ изъ провизіи все вообще будетъ ими въ скорости доставлено, а сверхъ того подарено на общество офицеровъ по сто кусковъ шелковой ватки, сто мѣшковъ пшена, и 700 пудовъ соли для экипажа нашего. 4-е—кораблямъ нашимъ входъ въ гавани ихъ позволяется, но и то по самой крайней нуждѣ, и отнюдь не для торговли.

26-го ч. Были у насъ три оберъ-толка, назначили завтра въ 12 часовъ послѣднюю аудіенцію.

27-го ч. Въ двѣнадцать часовъ прибыли бонжосы съ переводчиками, и мы немедленно отправились. Въ городѣ все было по прежнему: только насъ несли въ киримонахъ, я приглашенъ былъ съ посланникомъ въ залу аудіенцій—и представлены къ двумъ Губернаторамъ и дайелю, кои сидѣли отъ насъ черезъ одно мѣсто, и мы сидѣли по ихъ манеру напротивъ ихъ, на полу. Разговоръ начался отъ посла нашего благодарностію за хорошее намъ содержаніе,—и притомъ просилъ у вельможъ письменнаго вида, въ случаѣ нашего обратнаго пути, если обстоятельства принудятъ близъ береговъ ихъ лечь на якорь,—чтобъ не могло съ ихъ стороны быть какого въ томъ препятствія,—на что они не согласились,—отзываясь строгостію своего закона; и все трое увѣряли словесно, что если бѣ по необходимости пришлось намъ, близъ береговъ ихъ остановиться, на якорѣ, то никакого въ томъ препятствія чинено не будетъ. Посланникъ нашъ послѣднія привѣтственныя слова началъ говорить съ вельможами на ихъ языкѣ, чѣмъ они весьма удиви-

лись, но однако жь отвѣчали на оныя чрезъ переводчиковъ, давая разумѣть, что по ихъ закону они непремѣнно должны съ иностран-ными говорить чрезъ толмачей—хотя бы и сами совершенно тотъ языкъ знали и потомъ мы угощаемы были табакомъ, чаемъ и конфетами, и по прощаніи чрезъ городъ шли мы потомъ пѣшіе.

Апрѣля 6-го ч. По сіе время продолжалась на корабль погрузка нашихъ припасовъ и вещей, а сего числа мы совсѣмъ перебрались на корабль, и сто японскихъ лодокъ отбуксировали оной къ мѣстечку Папенбергъ, пять бонжосовъ и множество прочихъ офицеровъ и переводчиковъ проводили насъ до сказаннаго мѣста. Въ три часа пополудни распростились съ нами пріятельски и отбыли въ городъ. Всѣ съѣстные припасы отъ японцевъ доставлены намъ на двухмѣсячное время. Теперь ожидаемъ благополучнаго вѣтра къ выходу.

7-е ч. Въ шесть часовъ утра при благополучномъ вѣтрѣ вступили подъ паруса.

9-е ч. Обшедъ Юдскіе острова, поворотъ сдѣлали къ *N* и вступили въ Карейское море;—планъ нашего плаванія былъ—описать западные берега Японіи.

Великій праздникъ Воскресенія Христова, — напомнилъ мнѣ любезное отечество; трехдневная морская болѣзнь отняла силы мои совершенно изобразить то душевное умиленіе, которое ощущало мое сердце;—любезныя друзья!—я млѣлъ въ душѣ моей—вы, конечно, не думаете, чтобъ я празновалъ сей Великій День во владѣніяхъ Нептуна;—при семь словъ рука моя опустилась, слезы покатались изъ глазъ и томный вздохъ отлетѣлъ къ любезнымъ моему сердцу.

11-го ч. Сего числа видѣли на правую сторону нашего плаванія,— японскіе берега и множество судовъ, но ни одно изъ нихъ къ кораблю нашему не приблизилось.

Апрѣля 20-го ч. Путь нашего плаванія по сіе число продолжался не въ виду береговъ, и, по случаю ненастной погоды, ничего любопытнаго не случилось, а сегодня поутру въ 9 часовъ увидѣли землю, въ 12 часовъ подошли къ оной на разстояніе 10 итальянскихъ миль. Высокая гора, отъ коей протянулась великая плоскость, лежащая къ западу мысомъ,—изображала сіе мѣсто островомъ. По обсервации на семь пунктъ, сѣверная широта оказалась, 39 градусовъ и 44 ми-

нуты. Въ два часа пополудни сдѣлался штиль, изъ дали видно было много японскихъ судовъ.

21-го ч. Въ 9-ть часовъ утра сдѣлался благополучный вѣтръ и мы обойдя западной мнимаго острова мысъ, увидѣли по правую сторону онаго,—лежащій низменный песчаный берегъ, коего длина простиралась весьма далеко. Въ пяти миляхъ отъ берега бросили лотъ и глубина оказалась 39-ь сажень, грунтъ былъ песчаный, близъ береговъ, большими стадами видѣли дикихъ гусей и баклановъ. Одно большое японское судно долго лежало съ нами на одномъ курсѣ по правую сторону къ берегу, разстояніемъ отъ корабля въ двухъ верстахъ. Въ 6-ь часовъ пополудни проходя низменный берегъ, у подошвы высокихъ горъ увидѣли немалое селеніе, подлѣ котораго въ бухтѣ, видно было много стоящихъ на якорѣ морскихъ судовъ,—и идущее подлѣ насъ судно вошло въ сказанную бухту—черезъ полчаса послѣ того увидѣли идущихъ изъ той же бухты четыре большихъ гребныхъ лодки—наполненные людьми,—полагая примѣрно всехъ до двухсотъ чело-вѣкъ,—то странное явленіе понудило насъ зарядить пушки и когда лодки приближались къ кораблю (въ то время былъ поворотъ онаго на другой галсъ, чрезъ то они очень близко успѣли подойти къ правому борту), тогда у насъ ударили въ барабанъ тревогу, и люди, назначенные по пушкамъ, тотчасъ заняли свои мѣста, и воинская команда немедленно взошла съ заряженными ружьями на шканцы, тутъ мы увидѣли, торопливость, страхъ, испортившіе ретирату неизвѣстно для чего подошедшимъ къ намъ японцамъ, которые, поднявъ свои соломенные паруса, скоро скрылись отъ глазъ, а мы оставшись спокойными въ ночь, и имѣли курсъ свой при маловѣтріи отъ береговъ въ моря.

22-е ч. При благополучномъ вѣтрѣ продолжали плаваніе подлѣ гористаго берега; въ 11 часовъ утра прошли весьма высокую и снѣгомъ покрытую гору, отъ которой простирался вдалѣ также холмистый берегъ. Въ 12-ь часовъ обсервована широта, и мы находились 41-мъ градусомъ , въ 6-ь часовъ пополудни подошли къ Сянгарскому проливу; лежащему между островомъ Нишпономъ и Матмаемъ, изъ коихъ на послѣднемъ видѣли въ зрительныя трубы довольно обширный городъ—называемой по японски Мацы. Вновь при тихомъ вѣтрѣ лежали отъ береговъ въ море.

23-го ч. При попутномъ вѣтрѣ, обойдя Сангаръ, направили путь нашъ близъ Сѣверо-Западныхъ береговъ острова Матмая, на коемъ по

возвышеннымъ мѣстамъ горъ видѣли немало снѣга, а селеній больше замѣтить не могли.

29-го ч. Подходя къ мнимымъ послѣднимъ двумъ островамъ, положеннымъ на картѣ противъ оконечности мыса Матмайскаго и къ проливу оныхъ, увидѣли миляхъ въ 3-хъ отъ насъ плывущую порожнюю лодку, которая посланнымъ отъ насъ яликомъ поймана и поднята на корабль. Она увѣрила насъ, что по близости сего мѣста должны быть жилища японскія, ибо на веслѣ, лежащемъ въ той лодкѣ нашли подпись, вырѣзанную японскими буквами.

30-го ч. Пройдя превысокій, отдѣлившійся отъ земли въ море покрытый снѣгомъ пикъ, и поворотя отъ онаго вправо за мысъ острова Матмая, за которымъ увидѣли изрядную бухту и по берегу оной селеніе, изъ котораго вскорѣ приплыли къ намъ три лодки называемыхъ мохнатыхъ курильцевъ, они дѣлали намъ привѣтствія, поднимая обѣ руки кверху и опуская книзу, обхватывая бороду—показывали руками на свое селеніе и пантомимами звали къ себѣ. За противнымъ вѣтромъ мы остановились въ 11-ѣ часовъ на якорь; въ два часа послѣ обѣда отправились въ шлюпкѣ къ сказаному селенію на берегъ.—Хижины, построенныя изъ камыша на манеръ якутскихъ юртъ, множество сушеныхъ сельдей и прочей рыбы, висящей на вѣшалахъ, нѣсколько мелкаго рода собакъ, а впрочемъ очень похожихъ на камчадалскихъ, кажется, составляли все сихъ людей имѣніе;—одежды изъ древесной коры, ткань похожая много на ревендукъ, голько гораздо онаго толще—есть лѣтнее ихъ платье, которое покроемъ очень похоже на челмень. Зимнее платье изъ кожъ собачьихъ и лисьихъ того жъ покроя, мужчины и женщины въ платьѣ различія никакого не имѣютъ, и волосы на головѣ не подстригаютъ спереди, закладывая оные за уши; только примѣтили у нѣкоторыхъ молодыхъ дѣвушекъ надъ самымъ лбомъ на вершокъ кверху обстрижены. Мужчины бородъ совсѣмъ не подстригаютъ, и кажется оттого получили названіе мохнатыхъ; женщины татуируютъ губы и руки по локоть, синимъ составомъ; въ ушахъ носятъ превеликія мѣдныя кольца,—онѣ лицомъ нѣсколько похожи на камчадалокъ, только гораздо ихъ неопрятнѣе,—въ юртахъ сихъ людей видѣли довольно вещей японскихъ. Они состоятъ изъ инструмента желѣзнаго для дома, курительнаго табаку, и соломенныхъ работъ; послѣдними постилаютъ, полъ въ юртѣ,—и сидятъ на оныхъ всѣмъ семействомъ кругомъ огня разложеннаго среди покоя. Въ каждой юртѣ, по входѣ на правой сторонѣ въ переднемъ углу врытъ деревянной столбикъ, и къ оному привязанъ молодой медвѣдь; примѣтно, что у нихъ есть въ томъ суе-

вѣрие,—побывши три часа у новыхъ знакомыхъ, дарили ихъ разными бездѣлками, потомъ побѣжали на корабль; и по прибытіи на оный узнали; что во время отсутствія нашего были на кораблѣ японцы, а какіе люди онаго не открыли, обѣщая исполнить то завтра.

Мая 1-го ч. Въ 10 часовъ утра прибылъ къ намъ въ лодкѣ японскій чиновникъ, который и объявилъ, что онъ есть на семь берегу караульный офицеръ (по японски якунинъ). Онъ совѣтовалъ намъ какъ можно скорѣе удалиться отъ ихъ береговъ, а въ противномъ же случаѣ узнаютъ объ насъ въ Матмаѣ и пришлютъ величайшій флотъ. Мы, слушая отъ него такое страшное описаніе о своемъ флотѣ, приняли то равнодушно, съ усмѣшкою—и сказали, что при попутномъ вѣтрѣ будемъ въ морѣ,—онъ увѣдомилъ насъ, что мы теперь стоимъ при входѣ въ проливъ и, что въ ясную погоду отсель видны берега острова Шиша.—Онъ очень помнитъ Россійскую экспедицію, въ которой былъ лаксманъ съ Матмая, и въ доказательство того нѣсколько проговорилъ намъ затверженныхъ имъ тогда русскихъ словъ; по угощеніи чаемъ и водкою отправился въ свое мѣсто.

2-го ч. Поутру въ 1-й часъ снялись съ якоря, направили путь нашъ къ проливу, значущемуся на картѣ между островами Матмая и Шиши, и къ вечеру подошли очень близко къ острову на картѣ показанному Карафуту или Шиша, который по примѣчанію совсѣмъ представился глазамъ нашимъ въ другомъ видѣ; и мы болѣе признали сіе мѣсто за островъ Сахалинъ, ибо онъ лежитъ въ этой широтѣ. Въ ночь отошли отъ береговъ въ море.

3-го ч. При благополучномъ вѣтрѣ пустились въ проливъ; при входѣ въ оный увидѣли въ лѣвой сторонѣ отъ насъ, миляхъ въ 3-хъ большой надводный камень и множество на немъ свѣтей. Сіе болѣе насъ удостовѣрило въ томъ, что островъ сей не Шиша, ибо на картѣ въ проливѣ Лаперуза означенный камень лежитъ по видамъ въ самомъ томъ мѣстѣ и названъ опасностію. Болѣе жъ всего увѣрила насъ полуденная обсервация, по которой мы находились въ сѣверной широтѣ подъ 46-мъ градусомъ и 3 минутами. Тогда совершенно узнали, что острова Шиша и между его и Матмая пролива совсѣмъ нѣтъ, а есть дѣйствительно одинъ Лаперузокъ, лежащій межъ острововъ Матмая и Сахалина. Въ 6 часовъ пополудни подошли въ заливъ. . . . къ оконечности, гдѣ увидѣли подлѣ берега немалое японское судно и по берегу довольно строенія; въ 7 часовъ на 8-ми саженьяхъ глубины положили якорь.

4-е ч. Утромъ прибыли къ кораблю отъ берега двѣ лодки; на одной были японцы, а на второй курильцы или сахалинцы, кои приглашаемы были нами на корабль, но въ томъ намъ отказали; японцы отзывались, что у нихъ на берегу находится чиновникъ, безъ воли котораго они взойти на корабль никакъ не смѣютъ, а послѣдніе слѣдовали первымъ. Въ два часа пополудни мы отправились въ шлюпкѣ на берегъ, гдѣ нашли двухъ японскихъ купцовъ, заготавливающихъ въ семь мѣстѣ соленыхъ сельдей; у нихъ для того построены очень хорошіе магазины и рыбы заготовлено очень много. Когда мы взопли въ домъ къ сказаннымъ купцамъ то они насъ такъ испугались, что долгое время совсѣмъ не могли говорить ни слова, а когда изъ увѣренія нашего узнали, что мы Россіяне и ихъ пріятели, тогда нашли у себя языкъ и увѣдомили насъ, что они приходятъ сюда изъ города Матмая каждое лѣто для заготовленія рыбы, а на зиму уѣзжаютъ со всѣмъ промысломъ въ сказанный городъ. Въ работѣ у нихъ находятся жители сего острова, которымъ платятъ они за труды товаромъ. Мы примѣтили обитателей сего острова весьма добрыми, и кажется, что они совсѣмъ порабощены живущими здѣсь японцами и всякое приказаніе ихъ исполняютъ съ торопливостью совершенно какъ ихъ подданные. Образъ жизни имѣютъ точно такой же какъ мы видѣли на островѣ Матмай, и платѣ имѣютъ такое, только гораздо оныхъ трусливѣе.— Мы входили въ одну ихъ юрту, въ которой находились тогда однѣ женщины, увидѣвъ насъ, отъ страха закричали всѣ въ голосъ; когда же мы начали ихъ дарить разными бездѣлками, то брали оныя трепещущими руками и всѣ дрожали безпрестанно. Такое зрѣлище принудило насъ скорѣе ихъ оставить. Заливъ имѣетъ мѣстоположеніе весьма хорошее; его низменный берегъ весь покрытъ деревьями, а именно: елью, сосной, березой и рябинникомъ, между онаго вылегающія ровныя долины представляютъ глазамъ весьма пріятную картину. Рыбы здѣсь такъ изобильно, что когда сдѣлался въ бытность нашу на берегу морской отливъ, то весь берегъ покрытъ былъ икрою оной; устрицъ ловятъ очень крупныхъ, дичины разнаго рода великое множество, также и китовъ въ заливѣ мы видали вдругъ десятка по два.

5-е ч. Въ 7 часовъ утра снялись съ якоря и къ вечеру подошли къ Кануанье; гдѣ при маловѣтріи легли къ ночи въ дрейфъ.

6-е ч. Въ 8 часовъ утра, пройдя проливъ Лаперуза, вступили въ Охотское или Пенжинское море; направили курсъ нашего плаванія вдоль юго-восточныхъ береговъ острова Сахалина, которые описаны еще никѣмъ не были.

8-е ч. Въ 8 часовъ утра увидѣли изрядной величины бухту, и подойдя къ оной миль за восемь, капитанъ корабля отправилъ лейтенанта Головачева въ яликъ для осмотра и промѣриванія оной, который, по прибытіи въ бухту, совсѣмъ не нашелъ въ оной якорныхъ мѣстъ и увидѣвъ на берегу строеніе, любопытствовалъ узнать обитателей онаго, гдѣ, дѣйствительно, нашелъ людей человѣкъ до десяти. Они очень похожи на послѣднихъ прежнихъ мной описанныхъ, только живутъ гораздо ихъ опрятнѣе; также примѣчено у нихъ немало вещей японскихъ, что служить доказательствомъ сношенія ихъ съ японцами, и видѣлъ много собакъ, коихъ примѣтно они употребляютъ для ѣзды въ зимнее время. По прибытіи сказаннаго лейтенанта на корабль въ два часа пополудни мы оставили сіе мѣсто, безъ дальняго изслѣдованія по невозможности остановиться на якорь.

11-е ч. Подошедши къ оконечности залива Пасіанса, остановились на якорь; и какъ уже было 8-ь часовъ пополудни, то не успѣли сего дня быть на берегу.

12-е ч. Въ 4-е часа поутру капитанъ лейтенантъ Ротмановъ отправился въ шлюпкѣ на берегъ, и какъ примѣтна была съ корабля впадающая въ заливъ небольшая рѣка, то намѣреніе его было испытать оную. Прибывши на берегъ, дѣйствительно, нашелъ изрядную рѣку, въ которой поймана неведомъ въ 30 фунтовъ одна рыба, очень похожая видомъ и вкусомъ на лососину. Мѣстоположеніе берега недурно, только приставать къ нему и въ маломъ суднѣ весьма трудно по причинѣ чрезвычайной отмели и отъ оной большого буруна, облегающаго весь сей берегъ. Онъ видѣлъ вдали трехъ человѣкъ людей, кои, примѣтивъ его приближеніе, тотчасъ скрылись въ близлежащій тростникъ и болѣе на берегу примѣчено ничего не было: кромѣ великаго множества дичины разнаго рода и устричныхъ раковинъ.—По прибытіи Ратманова на корабль при благополучномъ вѣтрѣ вступили подъ паруса.

15-го ч. Прошедши мысъ Пасіансъ, въ 10-ть часовъ утра открылось вдали по всему сѣверному берегу острова Сахалина множество плывущаго льда, то принудило насъ немедленно перемѣнить курсъ свой къ 13-му Курильскому острову и предпріятіе описанія острова Сахалина отложено до будущей экспедиціи.

18-го ч. Сего числа увидѣли 11-й и 12-й Курильскіе острова. но вѣпкій вѣтръ принудилъ насъ отъ оныхъ удалиться.

19-го ч. Подошли къ вышесказаннымъ островамъ напротивъ самаго пролива оныхъ, въ которомъ усмотрѣно нами множество надводныхъ каменьевъ; притомъ неблагопріятствующій вѣтръ вскорѣ развелъ сильное волненіе, то принудило насъ и сіе мѣсто оставить, а имѣли плаваніе вдоль цѣпи сихъ острововъ, приближаясь къ Камчатскому полуострову.

21-го ч. Ввечеру подошли къ 5-му и 6-му островамъ, гдѣ межъ оныхъ открылся хотя узкій но весьма недлинный и чистый проливъ, въ который вновь пустились, и при хорошемъ вѣтрѣ прошли благополучно, и Камчатскимъ моремъ направили свой путь къ гавани Петропавловской.

24-е ч. Увидѣли гавань Петропавловскую, но за маловѣтріемъ не могли войти въ оную.

25-го ч. Въ 6 часовъ пополудни при благополучномъ вѣтрѣ вошли въ гавань, гдѣ тогда находились зимующія суда: казенное транспортное Святого Феодосія подъ командою штурмана Астафьева и Компанейское Марія, слѣдующее на Алеутскіе острова подъ предводительствомъ двухъ лейтенантовъ Машина, Хвостова и при нихъ мичмана Давыдова.

Господинъ Дѣйствительный Статскій Совѣтникъ и двора Его Императорскаго Величества дѣйствительный Камергеръ Николай Петровичъ Резановъ, во время вояжа до гавани П., располагавъ по прибытіи въ оную, отправиться на казенномъ транспортномъ суднѣ въ Охотскъ, а оттуда до Петербурга, но нашедъ въ гавани Россійско-Американской компаніи сказанное судно Марію, планъ своего путешествія до Петербурга отмѣнилъ, а началъ приготовляться въ Сѣверную Америку, ибо онъ имѣлъ Высочайшее повелѣніе обозрѣть все заведеніе компаніи на Алеутскихъ островахъ и подробно разсмотрѣть тамъ обстояніе Компанейскаго Правленія, куда въ теченіи іюня мѣсяца и отправился. А фрегатъ Надежда, имѣя планъ окончить описаніе острова Сахалина, началъ приготовляться къ отправленію на оный, и межъ тѣмъ со извѣстіемъ о прибытіи и о намѣреніяхъ посланъ былъ нарочный курьеръ въ Нижне-Камчатскъ къ Правителю области Господину Генераль-Маіору Кошелеву, котораго господинъ Резановъ не дождавшись, отбылъ въ Америку; а фрегатъ дождался и на другой день его пріѣзда также отправился въ свой путь съ тѣмъ, чтобъ по описаніи Сахалина обратиться въ Гавань, а изъ оной полагалъ

намѣреніе довершать обратный достохвальный свой путь до Петербурга. Мы, пробывши въ гавани П. три дня, отправились съ господиномъ шефомъ въ Нижне-Камчатскъ и въ августѣ мѣсяцѣ получено извѣстіе о благополучномъ возвращеніи фрегата. А что имъ во время сей экспедиціи сдѣлано—мнѣ подробно о томъ не извѣстно, кромѣ какъ только имѣя два письма отъ пріятелей, которые для памяти прилагаю у сего.

1 Авг. Правитель области Камчатской по полученіи извѣстія о возвращеніи фрегата отъ Сахалина и также о приготовленіи его въ обратный путь, немедленно командировалъ брата своего поручика Кошелева въ гавань для скорѣйшаго споспѣшествованія странникамъ во всѣхъ нужныхъ воспособленіяхъ, который, возвратясь въ Нижне-камчатскъ въ октябрѣ мѣсяцѣ увѣдомилъ, что фрегатъ Надежда отправленъ благополучно, и какъ по волѣ Всевышняго свершить сія экспедиція многотрудные свои подвиги, о томъ должна ожидать Россія и цѣлый свѣтъ подробнѣйшаго умныхъ людей описанія 1805-го года Октября 15 дня. Нижне-Камчатскъ.

Божію споспѣшующею милостию Его Тензинкубоскому Величеству Самодержавнѣйшему Государю обширной Имперіи Японской, превосходнѣйшему императору и повелителю Государь Императоръ и самодержецъ Всероссийскій желаетъ совершеннаго здравія, многолѣтней жизни и въ царствованіи всякаго благополучія. Принявъ въ управление Имперію, предѣлы коей прародители мои Петръ I-й и Екатерина II-я славными побѣдами распространили, и нашедъ Голландію, Францію, Англію, Италію, Испанію, и нѣмецкую землю страждущими отъ общей войны, поставилъ Я себѣ за долгъ склонить ихъ дружескимъ настояніемъ ко всеобщему миру, полагая благоденство царства моего въ тишинѣ и спокойствіи. Обращаю Я все попеченіе мое на пріобрѣтеніе дружественнаго расположенія всѣхъ вообще земныхъ царствъ, а паче моихъ сосѣдей. Вѣдала достоинство Японской Имперіи покойная Императрица Екатерина Великая въ знакъ благопріязненный въ 1791-мъ году возвращала въ отечество тѣхъ японцевъ, кои несчастнымъ случаемъ претерпѣвъ кораблекрушеніе судьбою брошены были на берега моего царства, и тогда посланные Россійскіе подданные, будучи дружелюбно приняты, получили отъ японскаго Правительства листъ, коимъ позволено было одному судну приходить въ нагасацкую гавань невозбранно.

Чувствуя и понынѣ такое благопріятно расположенія Вашего Тензинкубоскаго Величества, и притомъ какія выгоды могли бы истекать отъ взаимнаго торговаго обращенія, сверхъ сего, желая вѣдать составъ правительства и другихъ частей свѣта, положилъ Я сдѣлать

въ Японію отправленіе для возвращенія Вашему Величеству нѣсколько человѣкъ японцевъ, которые донинѣ не по волѣ своей, но несчастнымъ рокомъ избѣгши смерти отъ кораблекрушенія, спасли въ Моихъ предѣлахъ жизнь свою, а на сей конецъ избравъ въ родѣ достойнаго, вѣрно-подданнаго дѣйствительнаго камергера двора моего Николая Резанова, дабы съ должнымъ почтеніемъ могъ онъ приблизиться къ Самодержавной Особѣ Вашей; желаю, чтобъ онъ подалъ Вашему Тензинкубоскому ВЕЛИЧЕСТВУ сію грамоту по надлежащему обряду съ истиннымъ уваженіемъ, поступалъ бы во всемъ такимъ образомъ, чтобъ и Вамъ пріятно было и объявилъ бы Вашему Тензинкубоскому Величеству сколько я стараюсь продолжить и утвердить на непоколебимыхъ правилахъ связь дружественнаго Моего къ Вамъ расположенія, и все то исполнить, что токмо съ Вашей стороны требуется будетъ. Въ знакъ признательности за принятіе моихъ предложеній, которые состоятъ въ томъ, чтобы Ваше Тензинкубоское Величество дозволили купечеству нашему Моему, и паче жителямъ Кадьякскихъ, Алеутскихъ и Курильскихъ острововъ, яко Вамъ сосѣдственнымъ, приставать въ Нангасацкую гавань, и не токмо одному кораблю, но и многимъ, и въ другія гавани съ тѣми избытками, какіе Вамъ благопріятны будутъ. Я жъ съ Моей стороны отверзаю всѣ предѣлы царства Моего къ дружелюбному принятію вѣрноподанныхъ Вашихъ, на какихъ основаніяхъ утвердить взаимную между подданными нашими торговлю и гдѣ приставить въ портахъ Вашихъ торгующимъ Моимъ подданнымъ поручилъ Я посланнику Моему помянутому дѣйствительному Камергеру Резанову войти съ министерствомъ Вашего Тензинкубоскаго Величества въ должные переговоры какимъ образомъ впередъ доставлять Мнѣ къ Вамъ Вашихъ подданныхъ, если несчастнымъ жребіемъ претерпятъ они кораблекрушеніе и на берегахъ Моего царства спасутъ жизнь свою. Посылаю при семъ Вашему Тензинкубоскому Величеству въ даръ часы вдѣланные въ фигуру механическаго слона, зеркала, мѣхъ лисій, вазы костяной работы, ружья, пистолеты, и стальные и стеклянные издѣлія, сіи вещи выдѣланы на Моихъ мануфактурахъ, хотя оныя небольшой стоятъ цѣны, Я желаю чтобъ они только пріятны для Васъ были, и чтобъ въ предѣлахъ моего государства нашлось что нибудь вамъ угодное.

Въ Санктпетербургѣ іюня 30-го дня царствованія Моего третьяго года.

На подлинномъ подписано собственно его Императорскаго Величества рукою такъ: *Александръ*.

Контро сигнировано посемъ: Графъ Александръ Воронцовъ.

Россіяне! обошедъ вселенную, видимъ мы себя наконецъ въ водахъ Японскихъ! Любовь къ отечеству, искусство, мужество, презрѣніе опасностей, повиновеніе начальству, взаимное уваженіе, кротость, — суть черты изображающія Россійскихъ мореходовъ, суть добродѣтели всемъ Россіянамъ вообще свойственныя, Вамъ, опытные путеводцы, принадлежитъ и теперь благодарность соотчичей!

Вы стяжали уже ту славу, которой и самый завистливый свѣтъ никогда лишитъ Васъ не въ силахъ.

Вамъ достойные сотрудники мои, принадлежитъ совершеніе другого достохвальнаго подвига и открытіе новыхъ источниковъ богатства! А вы, неустрашимыя чада морскихъ ополченій, восхищайтесь утѣхами ревностнаго вашего содѣйствія, соединимъ сердца и души наши къ исполненію воли Монарха пославшаго насъ; Монарха, праведно нами обожаемаго, но мы давно уже ихъ съединили. Итакъ, благодарность къ Августѣйшему Государю нашему да одушевляетъ всѣ чувства наши! День сей, друзья мои, знаменитъ тѣмъ, что сыны его въ первый разъ проникаютъ въ пространство Имперіи Японской и побѣдоносный флагъ Россіи ознакомливаютъ съ водами Нагасакскими. Уполномоченъ будучи отъ Всемилостивѣйшаго Государя нашего быть свидѣтелемъ великихъ подвиговъ вашихъ, столь же лестно было мнѣ раздѣлять съ вами всѣ труды и опасности, сколь пріятно нынѣ торжественно изъяснить вамъ ту признательность, которая въ нѣдрахъ любезнаго нашего отечества всѣхъ насъ ожидаетъ. Празднуя въ водахъ Японскихъ день Высочайшей Его Императорскаго Величества коронаціи, дѣлаю я оный навсегда для заслугъ вашихъ памятнымъ. Зрите здѣсь изображеніе великаго Государя, примите въ немъ мзду вашу, изукрасьтесь симъ отличіемъ, единими безпредѣльными трудами и усердіемъ приобрѣтаемымъ, помните повсечасно, что оно еще болѣе обязываетъ васъ къ строгому храненію добродѣтелей, коими гордились предки наши и въ восторгѣ славы благословляйте царствованіе, въ которое заслуги послѣдняго подданнаго и въ самыхъ отдаленныхъ предѣлахъ свѣта предъ Монаршимъ престоломъ никогда незабвенны. 1804-го года Сентября 15-го дня.

